

А.К. Бустанов (*Амстердам, Университет Амстердама*)
И.В. Белич (*Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН*)
И.Г. Гумеров (*Казань, Казанский федеральный университет*)

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ В РУКОПИСЯХ СИБИРСКИХ МУСУЛЬМАН: ОТЧЕТ ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТАХ В 2011 Г.*

С 29 июня по 15 июля с. г. авторы доклада состоялось продолжение ежегодной археографической экспедиции в населенные пункты юга Тюменской области (отчеты о предыдущих работах: 5, 8). Ее главная цель – выявление, копирование и описание выявленных памятников письменности сибирских мусульман в основном с тем, чтобы поставить исследования ислама в регионе на прочную историко-филологическую базу. Работы велись в гг. Тобольске и Ялуторовске и в деревнях: Сабанаки, Турбинская, Тоболтура, Байгара (Тобольский район), Новоатъялово (Ялуторовский район). Богатый опыт этнографических изысканий, выполненных И.В. Беличем в этих районах во второй половине 1970-х – 1980-е гг., позволил составлять информацию комплексно. В сочетании поисков рукописей и старопечатных книг на арабской графике с изучением контекста их прежнего бытования и включенности в современную культовую практику, а также сбор аутентичных знаний о функциях тех или иных манускриптов в прошлом и теперь. В докладе подводятся некоторые итоги и общие впечатления о проделанной работе.

Несмотря на кажущуюся невостребованность в виду языкового, терминологического и палеографического барьеров, исламские рукописи тесно связаны с современной жизнью мусульманской общины. Особенно это заметно в тех немногих местах, слабо затронутых археографическими работами прошлых лет, в ходе которых рукописи просто изымались. Это обстоятельство определило выбор методики нашей работы. Все выявленные рукописи сканировались полностью или выборочно (сканировано более 1000 листов в формате TIFF с разрешением 1257x1733). Старопечатные книги фиксировались только по выходным данным, а при наличии владельческих записей и / или печатей делались соответствующие копии. По всему маршруту экспедиции религиозные обряды (*зийарат, хатым*), интервью и святые места (*астана*) записывались на аудио, фото и видеотехнику.

В основном исследовались частные собрания и библиотеки при мечетях Тобольска, Ялуторовска, Новоатъялово. Осмотрен был и музей Центра сибирско-татарской культуры в Тобольске. Следует отметить, что намерения членов экспедиции были встречены с энтузиазмом среди населения и духовных лиц нижнего и среднего звена. Со стороны же некоторых религиозных лидеров, например имама Тобольской мечети Ибрагима Сухова, поддержки не вышло по причине его нежелания вступать в контакт. Однако экспедиция показала, что археографические работы в регионе надо продолжать. И не только в связи с реальными перспективами выявления рукописного наследия в отдельных селениях, когда-то бывших религиозными центрами. Но также интересу жителей, обещавших содействие в самостоятельном сборе рукописей для мечетей, где бы те могли быть и культурным достоянием, и использоваться в повседневной религиозной практике.

Интересный и поучительный пример из собственной жизни привел нам имам мечети в д. Новоатъялово Мунир Биктимиров: «В наше время поднялся ваххабизм, который не признает традиционный ислам. Вот у нас в Тюмени сейчас, в Духовном Управлении, в основном ваххабиты. Хоть они и говорят, что придерживаются мазхаба Абу Ханифы, но на деле они настоящие ваххабиты. К нам в деревню приезжали ваххабиты из Узбекистана в 1993-1998 гг. Один из них, Мирза, был очень грамотным, знал толкования Корана. А другие мало знали, одну-две книги. Они преподавали нам, говорили, что можно молиться без омовения. Народ истосковался по вере, а они принесли веру, агитировали, но слишком упрощенно – лишь бы молились, верили в Бога. Говорили, что нет мазхабов и тариката в исламе, нет святых (*авлия*). Я тоже туда ходил. А наши старики не ходили, сами по

---

* Работа выполнена при поддержке Фонда им. Марджани, проект № 01/02-2011/02 «Мусульманские рукописи в Западной Сибири».

домам молились и не поверили этим узбекам. Эти ваххабиты использовали какие-то вещества. Нам наливали чай, после этого изменялось сознание. Моя жена говорила, что я возвращался домой будто сумасшедший. Тогда я перестал там пить чай. Это Бикмуллин, тюменский муфтий, их пригласил в Сибирь. То, чему нас учили, противоречило обычаю дедов. Однажды я встретил на хатыме одного нашего старика, Ислам-бабая. Я ему сказал, что он неверно учит людей. На что Ислам-бабай сказал, чтобы я не верил узбекам и посоветовал, чтобы я смотрел книги моего отца, там все сказано. Это был традиционный ислам. Ислам-бабай знал религию, он был из Казани. У них тоже был тарикат. Ислам-бабай сразу невзлюбил узбеков. Он меня не ругал, только сказал: «Бери отцовские книги и читай». Я прочитал и понял противоречие тому, что преподавали узбеки, и извинился перед ним. Он знал, что я приду. А теперь все говорят, что заблуждались. Дух моего отца вывел меня на прямую дорогу, а Ислам-бабай оказался помощником, указавшим на книги. Тут был Рафаэль Валишин¹, с ним мы решили самостоятельно идти. Побороть ваххабизм будет сложно, так же как язычество в давние времена. Но ваххабиты сами не понимают, что они говорят. Вот мусульманские календари, которые очень помогают в религии, их ваххабиты сразу невзлюбили. Календари помогли поднять традиционный ислам».

В такой обстановке толкования Корана и сунны, наряду с книгами по исламскому мистицизму за подписью Зайнуллы-ишана Расулева², обрели вторую жизнь и даже стали основанием для исправления пути, по которому и пошла местная община, уже было расколовшаяся на два лагеря. Заметим также, насколько неопределенные и навязываемые понятия «традиционный» ислам и «ваххабизм» вошли в оборот у рядовых верующих.

В ряде случаев обладание рукописями легитимирует тот духовный статус, который обрели на волне религиозного возрождения местные муллы и потомки святых, явные или мнимые. Ярким примером тому является директор Тобольского медресе, потомок святых Абдулмачит Алиев. Описание его библиотеки и анализ некоторых манускриптов частично опубликовано (4). Из рассказов А. Алиева понятной становится тенденция объединения имен, встречающихся в письменных и устных историях-агиографиях, в одну семейно-родственную группу, к которой прямое отношение имеет и владелец библиотеки. Она легитимирует его статус как представителя сакрального семейства, имеющего право на суждения в области шариата и суфизма.

Поражает быстрота переосмысления социальных функций сакральных предметов и объектов. Исследователи становятся очевидцами того, как спустя десятилетия господства атеизма, среди сибирских мусульман вновь, как и в былые времена, возникают серьезные баталии вокруг святых мест и рукописей смотрителей. По сравнению с 1970–1980-ми гг., вовсю идет переосмысление значения астана, их полная *исламизация* – ассоциация с исламскими миссионерами даже тех святилищ, что ранее не имели этого определения (2), и *этнизация* в рамках сибирско-татарской этнической идентичности; выдвижение астана как главного символа региональной религиозной идентичности, «открытие» новых мест почитания и «обнаружение» забытых могил святых. Как некогда суфийским праведникам было ниспослано свыше относительно имен и мест захоронений мучеников, так и сегодня новоявленные «открыватели» из числа мулл, местных жителей и краеведов указывают на могилы святых то тут, то там. Неудивителен поэтому быстрый рост числа астана. Можно констатировать, что современные данные о них в регионе в разы превосходят те сведения, которые имеются в списках мазаров, создававшихся здесь в XVII–XVIII вв. На этом фоне особо престижным стало обладание рукописной генеалогией – *шаджара*, по традиции являющейся атрибутом смотрителей астана (*караучи*). Бывают случаи, когда в частных собраниях лиц, активно, но безуспешно разыскивающих такие свитки, обнаруживаются вдруг скромные на вид листки или тетрадки с копией одной из шаджара, о существовании

¹ Валишин Рафаэль Вилькарович, уроженец д. Новоатъялово, духовный руководитель движения «Ихсан» в Башкирии и Тюменской области.

² Зайнулла-ишан Расулев (1835-1917) – знаменитый шейх братства Накшбандия в Урало-Поволжье, «последний Великий шейх Накшбандийа» (9).

которой владелец и не подозревал. Очень мощно проявляется тенденция рассматривать астана в качестве объектов историко-культурного наследия сибирских татар, чуть ли не заслоняющие по своему значению все прочие их культурные символы.

Парадоксальным в отношении исламских святых мест стал тот конфликт, который разгорается ныне в связи с почитанием астана как объекта культовой практики. Деятели «официального» ислама, главы местных Духовных управлений не скрывают раздражения по поводу возрождения паломничества к астана, называя это язычеством, многобожием (*ширк*). Их можно понять, т.к. в отличие от дореволюционной практики, культ святых в регионе, по сути, лишился богословской легитимации и суфийской преемственности, а значит, теряет право на свое существование. По другую сторону баррикад стоят адепты почитания астана как памятников историко-культурного наследия – захоронений миссионеров, но уже не в том, возможно навсегда утерянном смысле, где астана служили маркерами мусульманской идентичности, границы которой совпадали, по мнению И. Белича, с ядром утерянной государственности – Сибирского юрта. Увы, пока стороны не находят ничего лучше, чем обвинять друг друга соответственно в «язычестве» и «ваххабизме». Краеведы и «открыватели» астана в обстановке всеохватности СМИ выводят знание об этих местах культа из области духовного, эзотерического опыта в сферу публичного дискурса, прицениваясь к ним и в значении объектов туристического бизнеса. А, следовательно, как к средству добывания денег за счет паломнического туризма.

Духовная миссия впервые легла на плечи первооткрывателя астана в крае, Ширбетешайха, который прибыл из Ургенча при Кучуме и, согласно шаджара, переводил ранее неизвестные могилы святых из состояния *батин* (скрытого) в состояние *захир* (явного). В нынешней ситуации «ширбетизация» и «астанизация» может привести к утрате специфики священных мест, их полной или частичной секуляризации и переходу на законы рынка. В этом плане показателен пример с мавзолеем Ахмада Йасави. Мечтой советских функционеров было создание в этом «оплоте исламского фанатизма» музея атеизма. В 1970-х гг. идея воплотилась: отреставрированный мавзолей стал музеем, посетители из числа потомков святых – его сторожами. Туркестан стал городом туризма, а шейхи и аутентичный суфизм исчезли. С тех пор каждый может обозреть это творение архитекторов амира Тимура и прикоснуться к святыне, которая так же, как и сибирские астана, приобрела ярко выраженный национальный окрас и даже вошла в символику национальной валюты Республики Казахстан. В самую пору задаться вопросом: что перед нами «профанация сакрального или сакрализация профанного»? (1).

Вопрос о хронологии и механизме появления астана в регионе еще слабо изучен. Исследования показали, что этот процесс начался в эпоху Кучума с приездом из Средней Азии мусульманских теологов. А именно Дин-‘Али-шайха в качестве сейида при хане, Ширбетешайха как кодификатора могил святых и видимо первого транслятора легенды об исламизации Сибири, а также Абдал-шайха – посетителя одной из ранних астана в д. Тюрметяки (Усть-Ишимский район Омской обл.). В XVII - середине XVIII вв. явились и другие астана, связанные с именами 366 легендарных миссионеров, прибывших в Сибирь для распространения ислама. 20 из них вошли в списки шаджара 1-й редакции (пер. пол. 17 в.) и 30 – 2-й редакции (серед. 18 в.), большая их часть совпадает (6). В 1970-80-х гг. (по данным Белича) их было порядка 50. Сегодня число астана (по данным Р. Рахимова) доходит до 100 и треть из них взято под госохрану. Но, как показывают изыскания, даже самые ранние и значимые астана – мистификация, обусловленная исламизацией прежних святилищ и отражающая сакральную историю региона (2, 6), в основе которой лежит идея о «первопредке» – основателе государства и распространителе ислама (Тайбуга), связанная с легендами местных аристократических патронимий – *тугумов* (сейидов, караучи) (7).

Интересный, но еще не совсем ясный пример развития этого процесса представляет астана в д. Новоатъялово. Дело в том, что в двух упомянутых редакциях шаджара астана в

Атъале, где покоится ‘Алаф-‘азиз, названа. Если наша гипотеза о составлении ее ранней редакции в первой половине XVII в. верна (6), то эта астана должна была быть известна к тому времени. Однако, по утверждению М. Биктимирова, современного караучи, астана на нынешнем ее местонахождении была «открыта» его дедом, видным богословом Нийаз-Бақы б. Биктимиром (1846-1924) после возвращения из Троицка, где тот учился у шейха Зайнуллы Расулева и был какое-то время имамом городской мечети. По воспоминаниям М. Биктимирова, Нийаз-Бақы вернулся в деревню в 1903-04 г. и стал муллой. В 1924 г. он умер. «Старики рассказывали, что наш дед творил всякие чудеса (*карамат*). Например, подходит он к двери, а она закрыта на замок. Он читал молитву, и дверь раскрывалась». Именно он в начале XX в. и «открыл» астана там, где она сегодня находится. По словам М. Биктимирова, «На астана лежит Алюф-бабай. Он был молодым человеком, сыном Султана Баязита³. Его брат – Уф, его астана находится где-то в русской деревне. Алюф был из числа Накшбандийа, которые принесли нам ислам. Ранее здесь жили маджузи, поклонялись куклам – *аттанай*, которые выглядели как люди. Ров на астана сделал трактором Ислам-бабай, который долгое время был зрителем. Но место точное. Нийаз-Бақы написал, где какие астана есть. Он много таких мест нашел. Куда-то этот листочек пропал. После Нийаз-Бақы за астаной смотрел Зайнулла-бабай, потом Ислам-бабай, Карим-бабай, сейчас я присматриваю».

Очевидно, Нийазу-Бақы была известна одна из редакций шаджара, используя которую он и «открыл» эту астана, но видимо совсем в другом месте. Вероятно, по этой причине прежде она не пользовалась широкой популярностью. Так, по полевым материалам И.В. Белича 1970-80-х гг., астана в д. Новоатъялово не фиксируется, а жители близлежащих селений (Авазбакеева, Аслана, Ревда) больше почитали астану в д. Варвары (Ярковский район; «Бурбар» в рукописях). Возможно, былая астана, если и была здесь, то находилась где-то в районе прежнего селения Атъял на старом русле Тобола, на что и указывают письменные источники.

Кроме Атъяла существовал и другой мощный суфийский центр, располагавшийся в д. Турбинская возле Тобольска. По рассказу М. Биктимирова, «В Турбинских юртах был Халил-ишан, большой ученый. Я лично посещал его могилу. Он достиг высоких степеней. Наш дед, Нийаз-Бақы, был связан с Халил-ишаном, который учился у Зайнуллы-ишана. Они были из братства Накшбандийа. Халил-ишан умер в 1931 г., после него тарикат в Сибири закончился». В с. Тоболтура мы познакомились с внучкой Халила-ишана, Аминой Халиловой. Она поделилась некоторыми подробностями его жизни, в частности за свой счет он обучал много шакирдов при медресе в Турбинских юртах, где жил и сам. Чтобы совершить зийарат к могиле Халил-ишана приезжают люди с разных мест. Так, недавно были несколько человек из Дагестана. Говорят, что сам Халил-ишан бывал в Дагестане и имел там учеников. Символично, что в определенном смысле традиции Халил-ишана, но лишь в богословском не суфийском направлении, продолжает его правнук, Закир-хазрат Шарыпов, имам мечети Хайр-Ихсан в Омске, занимающийся активным распространением ислама среди населения. К сожалению, рукописей, связанных с этим очагом распространения суфийских идей, удалось обнаружить немного, что только подталкивает на продолжение полевых работ.

На основе собранных в течение 2005-2011 гг. материалов, дополненных этнографическими данными прежних лет и, хочется верить, будущих изысканий, планируется издание каталога мусульманских рукописей в Западной Сибири, призванного не только дать представление о книжной культуре правоверных региона в XVII-XX вв., но и поместить книги в живой контекст истории ислама в прошлом и настоящем.

---

³ Имеется в виду духовное родство с известным исламским мистиком Абу Йазидом Бистами, чье имя было инкорпорировано в цепь преемственности Накшбандийа.

Литература

1. Бабаджанов Б.М. Зикр джахр и сама‘: сакрализация профанного или профанация сакрального // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на. – М., 2003. – С. 237-250.
2. Белич И.В. Культовые места сибирских татар как историко-этнографический источник // Роль Тобольска в освоении Сибири. – Тобольск, 1987. – С. 40-41.
3. Белич И.В. К проблеме изучения феномена *астана* в Западной Сибири // XIII Судеймановские чтения. – Тюмень, 2010. – С. 32-34.
4. Белич И.В., Бустанов А.К. Заметки о суфийских традициях в Западной Сибири // Рах Islamika. – М.: Изд. дом Марджани, 2010. – № 2 (5). – С. 39-58.
5. Бустанов А.К. Перспективы сибирско-татарской археографии (по материалам экспедиции Омского университета) // Катанаевские чтения: Мат-лы VI Всероссийской науч.-практ. конф. – Омск, 2006. – С. 387-390.
6. Бустанов А.К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник 2009-2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. – М., 2011. – С. 33-78.
7. Бустанов А. Тайбугиды, Кучум и среднеазиатские улемы в сакральных текстах сибирских мусульман // Мир ислама: история, общество, культура. – М., 2010. – С. 33-35.
8. Бустанов А.К., Белич И.В. К наследию сибирских суфиев // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. – Омск, 2010. – С. 211-216.
9. Algar H., Shaykh Zaynullah Rasulev: the last great Naqshbandi sheikh of the Volga-Ural region // Muslims in Central Asia, Durham and London, 1992. P. 112-133.